

Старая мельница

Лев
Кожевников

сказка

208

1

Жил да был на свете старый мельник. Седой, как лунь. Всех пережил. В округе поговаривали, будто колдун. Хотя кто знает? Про мельников такое часто говорят.

Жил он на отшибе, при мельнице. До ближней деревни вёрст пять будет, нет? Мельникова изба над прудом на взгорке стояла, вся липами заросла. Огромные липы, вековухи. В кронах лето напролёт пчёлы гудят. Бортничал старик. Иной раз мёдом приторговывал, когда взятки хороши. Правда, мёд у колдуна люди неохотно покупали. Побаивались сглаза, что ли? Да и зерно на мельницу когда привезут, долго в гостях не засиживались почему-то. Хотя худого слова про хозяина сказать вроде бы нечего. Так, слухи одни.

Вот мельничное колесо крутится себе потихоньку, поскрипывает. Муку мелет. Старик – на мельнице, при жерновах. Но до большого урожая ещё далеко, поэтому работы немного.

Вдруг... «Крр!» Крылья схлопались. И на ветку, над колесом, сел большой чёрный Ворон. Башкой туда-сюда покрутил. И снова...

– Крр!

– Иду уже. Иду. – Это мельник на «крр!» отзывается. Сходил старый в избу, обратно блюдо беляшей в руках несёт.

– Исянемесез, соседушка, здравствуйте. Вот... Внучка беляшей напекла. Ещё не остыли. – Блюдо с беляшами на пенёк поставил, чтобы гостю удобно было.

Наклевался Ворон досыта, тогда мельник спрашивает:

– Ну, какие новости? Где был? Кого видел?

Голос у Ворона скрипучий, будто сухое дерево на ветру качается.

– Тебе Убырлы-карчык* привет передаёт. И гостинец. – Сам кисет старику на пенёк выложил. Красивый кисет, бисером расшит. Старик, конечно, обрадовался.

– Ого! Табачок... хорошее дело! – Трубочку вишнёвую из кармана достал и табаком набил. Пых, пых... дымком ароматным потянуло.

– Худо ей там одной. Скучает Убырлы.

– Передай, пых-пых, пусть в гости заходит.

– Передам.

– В деревне какие новости?

Ворон даже голову в плечи втянул. Озирается по сторонам.

– Скоро гостя жди.

– Кто таков? Пых-пых.

– Дурачок деревенский – Вали. В лес по веники собрался. Заодно внучку твою проведать. Ну, абзый, спасибо за угощение. Дальше полечу.

– Что скоро так? Я самовар поставил бы.

– Крр! Не хочу с дурачком Вали встречаться. Он как завидит меня, сразу камнями швыряется. А то из ружья пальнуть норовит. Ну, прощай, джаным**.

Мельник вслед только головой покачал: «Сау бул***, сау бул!»

* Убырлы-карчык (там.) – Баба-Яга.

** Джаным (там.) – душенька, дорогой.

*** Сау бул! (там.) – будь здоров!

Не успел мельник в избу убраться, а Вали уже тут как тут. Топор за поясом и моток верёвки через плечо.

– Эй, бабай! Живой... не помер ещё? Ха-ха-ха!

– Скриплю потихоньку. Чего надо?

Замешкался Вали. Даже уши покраснели.

– Зухра, это... дома, что ли?

– Нету Зухры. В лес по ягоды ушла.

А тебе зачем она?

– Ну, это... жениться хочу.

– Ишь, ты! Кхе...

– Если ты не против, конечно.

– Ещё как против! Но неволить внучку не стану. Сама пусть решает.

– А почему ты против, а, бабай?

Мельник только рукой махнул.

– Ума бы тебе, Вали, побольше да заплат на штанах поменьше.

От таких слов молодцу смешно сделалось.

– Хха! Сила есть ума не надо. Хочешь, бабай, я тебе избу переверну?

Недолго думая, ухватился Вали за угол избы, за нижний венец, и до пупа, считай, приподнял. Застонала изба, закрипела, того гляди развалится. Испугался мельник. Изба тоже старая, вроде хозяина, и брёвна через одно гнилые.

– Эй, эй! Дурак и есть... – Сам под носом на дурака замахнулся. – Лучше мешки из амбара перетаскай.

Пошли оба в амбар. Ухватил Вали по три мешка разом, на плечи забросил и давай носить из амбара на мельницу. Быстро управился.

– Всё, что ли?

– Отдыхай пока.

Вали в тень под липой устроился.

Спрашивает мельника:

– Эй, бабай? А Зухра давно ушла?

– Больше часу она не ходит. Ей грибы-ягоды сами в руки идут... – С тем и ушёл. О чём, дескать, с дураком долго разговаривать?

Один Вали остался под липами. Над головой пчёлы гудят. Благодать! И задремал было...

Вдруг из пруда (мельничное колесо верхом оседлала), из самого бучила Водяная выплывает. Остановилось

колесо, не скрипит. Достала Водяная золотой гребень и давай волосы расчёсывать. Длинные волосы, зелёные, похожие на тину. Расчёсывает и поёт:

...Ох, по реченьке-реке
В острогрудом челноке,
Где падун-водоворот,
Удалой рыбак плывёт.
Парус – облако, весло –
Лебединое крыло.
В утлом чёлне до краев
С речки-реченьки улов.
Ветры ропшут и грозят:
Будешь ты на дне, рыбак.
Будет плакать дома мать,
Будет жёнка горевать,
Детки по миру пойдут
Милостыньку собирать.
Милостыньку собирать,
Злую долюшку ругать...

Сквозь дрему Вали услышал пение и на Зухру вначале подумал. Потом глаза-то открыл!.. А на колесе никак

Водяная сидит? До неё рукой подать! Сидела, сидела так-то и на мостки перебралась. Сидит себе и поёт. Волосы расчёсывает.

Неужели сама Водяная? Вали даже за ухо себя ушипнул. Не снится ли ему часом? А потом надумал пошутить. Сейчас, дескать, я её напугаю. Сзади тихо подкрался, да как гавкнет над ухом: «Гав! Гав-гав!!!» Эти водяные, русалки всякие собак пуще смерти боятся.

Водяная: «Ах!» И в воду с мостков, будто лягушка, плюхнулась!

– Ну что, кикимора болотная, на-терпелась страху? – Подобрал Вали булжжик поувесистей и следом в воду швырнул. – Эй, ты там? Лови подарок! Ха-ха-ха!

Посмеялся, потом глянь: а на мостках, под ногами, золотой гребень лежит. Видать, выронила с перепугу, нечисть болотная. Взял Вали гребень в руки. Разглядывает и диву даёт.

– Ух ты! Золотой! Небось, целый мильён стоит?

Смотрел на гребень, смотрел и размышлял: «Эх, снесу-ка я золотой гребень на базар, продам за мильён какому-нибудь купчине и куплю эту мельницу вместе с избой и с бабаем впридачу. Вот тогда поглядим, кто из нас умный, а кто дурак?.. Или нет! Лучше я подарю гребень Зухре. Пусть замуж за меня выходит. О, слышь... кажется, Зухра идет! Её голос...»

Сунул Вали гребень в карман, сам за липу встал, чтобы песенку до конца дослушать.

...Солнце красное где спит?
На опушке, на опушке.
Солнце красное как спит?
Солнце красное как спит?
Как подушку, подложив
Тучку серую под ушко.
Тучка серая растает.
С неба тёплый дождь пойдёт.
Над опушкою крутая,
Над опушкою цветная
Радуга-дуга взойдёт,
Радуга-дуга взойдёт!

Присела девушка на пенёк. А у самой две корзинки с собой. В одной корзинке грибы, белые, отборные. В другой – ягоды. И обе полнёшеньки.

– Ой, Вали! Ты что здесь делаешь?
– Я это... за венниками собрался. И тебя повидать.

– Так мы с тобой на прошлой неделе виделись. Неужели не помнишь?

Рассмеялась девушка. Будто серебряные мониста зазвенели. У Вали от смущения уши снова красные сделались. Чего ответить, не знает.

– Зухра, скажи: а это правда, будто твой отец с нечистой силой знается?

– Кто тебе сказал?

– В деревне говорят. А ещё говорят, будто старый мельник – колдун!

– Ну и что? Я тоже колдовать умею.

– Врёшь! – не поверил Вали. Хотя, глядя на полные корзинки, всякое подумаешь.

– Хочешь, покажу?

– Ага.

Зухра пальчик вверх подняла.

–Тсс! Слышишь, синичка в липах свистит?.. Синичка-сестричка, лети ко мне! Я тебя ягодами угощу!

Неизвестно откуда прилетела вдруг синица и уселась Зухре на ладошку. Давай ягоды склёвывать. Поклевала, поклевала... пискнула: спасибо, вроде как. И нет её. Упорхнула.

Вали только плечами пожал.

– Ну и что? Может, она у тебя ручная.

– Может... – рассмеялась Зухра. – А хочешь, я ветер вызову?

Вали в ответ только хмыкнул. Не поверил, короче. Но девушка рукой взмахнула и заклинание шепчет:

– Ветер, ветер, ветерок, дунь мне слева в правый бок!

И посвистела тихонько, будто синица. Вдруг откуда ни возьмись налетел порыв ветра и сорвал у Вали с головы тюбетейку. Тут же стих. Ни один листочек на деревьях не шелохнётся.

Отыскал Вали свою тюбетейку в кустах и крепче на голову нахлобучил.

– Вот это да!

– Теперь веришь?

– Как это у тебя получается?

– Сама не знаю. Просто вся природа вокруг, она живая, и я её очень-очень люблю. И ветер люблю, и дождик, и солнышко, деревья в лесу, эту речку.

Наверное, они тоже меня любят. Вот, смотри.

Сбежала девушка на мостки. Руки в воду опустила.

– Рыбка, рыбка... Ау! Плыви сюда, моя хорошая!

От удивления у Вали глаза на лоб! Голыми руками Зухра достала из воды большую, серебристую рыбку. Ну, очень большую! По бокам рыбу огладила, поцеловала и – обратно в воду отпустила.

– Эй, эй! Ты зачем её отпустила? Из такой рыбы, знаешь, какую уху сварить можно!

Рассердилась Зухра. Не на шутку.

– Глупый ты, Вали. Так ничего и не понял.

До того рассердилась, в его сторону даже не глядит. А Вали в самом деле не понял. Неужели, думает, очередную глупость сморозил? Надо как-то свою вину загладить.

– Не сердись, Зухра. Я тебе подарок принёс. Вот, смотри.

– Ой! Гребень, золотой! Ты где его взял?

– Ну, это... матушка дала. Если, говорит, полюбишь по-настоящему, подари девушке этот гребень. Она тебя тоже полюбит.

– А если не полюблю?

– Полюбишь! – А у самого рот до ушей.

– Это почему так уверен?

– Ну, это... ты ведь природу любишь? Сама сказала?

– Да.

– Я тоже часть природы. Значит, и меня будешь любить.

Зухра и Вали долго хохотали над его шуткой. До слёз. Потом Зухра внимательно разглядела подарок со всех сторон и засомневалась.

– Мне кажется, где-то я такой гребень уже видела. Не могу вспомнить.

Зато Вали про веники вспомнил. И сразу засобирился.

– Ну, ладно. Мне ещё надо веников успеть наломать. Ты тут без меня не скачай.

– Не буду. Уговорил.

На том и расстались...

Идёт Вали лесом, кручинится. Вроде, и грех не велик? Подумаешь, у нечисти болотной гребень отобрал. А сердце всё равно не на месте. Шёл так-то, шёл и выбрался из бурелома на весёлую полянку. Посреди поляны развесистый дуб стоит, а вокруг дуба берёзки кудрявые хороводятся. Оглянулся по сторонам...

– А что, подходящее место!

Поплевал Вали на ладони, достал из-за пояса топор и давай срубить берёзки одну за другой. Вскоре на поляне одни пеньки остались торчать. Да ещё дуб.

– Вот и порядок.

Вытер Вали пот со лба. И по дубу, по шершавому стволу, ладонью похлопал.

– За тобой, дружок, я завтра на телеге приеду. Дубовые дрова хорошо горят, жарко. Мне тебя на целую зиму хватит, с запасом.

Воткнул топор в поваленную берёзку и взялся веники для бани вязать. Два веника кое-как связал, но надоело, видать. Колдунья Зухра никак из головы нейдёт. Всё из рук валится.

Ладно, решил домой собираться. Верёвку смотал, веники под мышку... Вдруг, чует, кто-то с ним рядом на поваленный ствол сел. И тяжко-тяжко вздыхает. Вали так и подскочил с места, как ужаленный.

– Э-э-э! Ты кто такой?!

– Не узнаёшь?

– Первый раз вижу. Экая образаина! Тебя как звать?

– Шурале.

– Ххы! Тот самый Шурале?

– Тот самый.

– А я думал, про Шурале одни выдумки. Ну и ну! А меня Вали звать.

– Я тебя знаю. Ты деревенский дурачок.

– Я – дурачок?!

– А кто же ещё? Ради двух веников целую рощу вырубил. Дурачок и есть.

От обиды у Вали сразу кулаки зачесались.

– Слушай, откуда ты на мою голову свалился?

– Откуда, откуда... Живу я тут. А ты без спросу пришёл в мой лес, напакостил, да ещё хозяину грубишь. Дурак ты, Вали. Я тебя, пожалуй, защекочу до смерти. Со смеху у меня помрёшь.

Запустил Шурале свои длинные пальцы дураку под мышки и давай его щекотать. Вали хохочет взахлёб, так сроду никогда не смеялся, да по поляне туда-сюда мечется, чтобы отстал, образина чёртова. Но Шурале крепко в него вцепился, насмерть решил защекотать.

Вали это скоро понял.

– Погоди, погоди, Шурале... Ха-ха-ха! Погоди, говорю! Ха-ха-ха! Я тебе, ха-ха-ха, одну штуку покажу.

Шурале, хотя и нечистый дух, а любопытный был.

– Какую такую штуку? – спрашивает.

– Игра такая. Ты тут в лесу, небось, со скуки помираешь? Я тебя играть научу, а потом щекочи, сколько влезет.

– Ладно, показывай игру.

– Вот, смотри и запоминай.

Взял Вали в руки топор и с размаху вогнал его в ствол дерева. Которое потолще да потяжелее.

– Щель видишь?

– Вижу. И чего теперь?

– Держи щель. Крепче держи, двумя руками... тьфу, лапами! Держишь?

Засунул Шурале обе лапы в щель и ухватился крепко-накрепко. Держу, дескать. Дальше показывай.

– А теперь внимательно гляди. Я беру топор и – вынимаю из щели.

У Шурале от боли глаза на лоб полезли. На весь лес заорал:

– А-а-а! Больно! Больно!

Вали удивляется:

– Да ладно врать-то! Это ещё не всё, дальше запоминай.

Расщепил Вали второе бревно и засунул в щель шуралиный хвост. Да поглубже засунул, в натяг.

– Теперь хвостом держи!

Взвыл Шурале.

– Всё, всё, Вали! Я научился, научился! Хватит играть, я больше не хочу!

– Ну? И кто из нас с тобой дурачок? Ты или я?

– Больно, ой, больно! Отпусти меня! – взмолился Шурале. А Вали смеётся.

– Поиграй тут до завтра. Подумай хорошо. А завтра я, может быть, тебя отпущу. А может, бока дубиной отломаю.

Подхватил Вали свою вязанку, топор, пнул напоследок нечистого под зад и домой отправился. А у Шурале от боли вконец разум помутился. Такой вой поднял, всё зверьё в лесу по норам попряталось. Выл, выл, пока его вопли Ворон не услышал.

Прилетел Ворон, уселся на дуб и спрашивает:

– Крр! Ты чего на весь лес кричишь?

– Это Вали, дурачок деревенский, пальцы мне защемил. Помогите! Ой, помогите кто-нибудь!

Крепко задумался Ворон. Даже голову в плечи втянул.

– Крр! Как же я тебе помогу? Если я суну в щель свой клюв, то... Нет, лучше я Убырлы-карчык на помощь позову. И Водяную. Потерпи немного, дружище.

И улетел. А у Шурале от боли и пальцы, и хвост вконец онемели.

Так и промаялся до наступления ночи. Но, слышит, крылья над головой схлопались, и Ворон на ветку сел.

– Крр! Сейчас идут, не реви.

Много не прошло, из лесной чащи Убырлы-карчык появилась, а вскоре и Водяная со стороны речки подошла. Удивляются обе.

– Ну и ну! Это кто тебя так, бедолагу? – Убырлы спрашивает.

– Это Вали, его проделки. Он у меня сегодня гребень украл. И перепугал до смерти. Я думала, собаки! Ужас, как боюсь этих собак!

– Крр! А в меня злодей Вали камнями швыряет. В прошлый раз чуть насмерть не зашиб.

– Знаю я, знаю вашего Вали. На днях в лесу его повстречала. Уматывай, говорит, отсюда, старая перхоть, пока клюку не отобрал. А какая я старая? Мне всего тыща лет на прошлой неделе стукнуло.

Долго ещё Вали косточки перемывали, пока Шурале снова не завыл.

– Уй-ю-юй! Да помогите же! Хватит тут разговоры-то разговаривать!

– И то правда. Глянь, хвост... посинел уже. Поди, отвалится?

Вставила Убырлы в щель железную клюку, навалились все трое, и Шурале вытащил, наконец, свои пальцы. Дул, дул на них. Тряс, тряс... вроде, шевелятся. Даже длиннее стали.

– Э-э-эй! А хвост?

И хвост, хотя с трудом, тоже вытащили. Наконец, нечистые собрались в кружок. Под дубом. Четыре зловещие тени, только глаза зелёным отсвечивают. Начали совещаться.

– Всё, – Шурале говорит, – моё терпение лопнуло. Пора этого Вали хорошенько проучить.

– Чтобы на всю жизнь запомнил.

– И чтобы гребень вернул.

– Крр! А как?

– Есть у меня один план...

И забубнил Шурале – свой план излагает. Долго излагал. Но план всем понравился. Захихикали нечистые, лапы потирают. Кыркают.

– Ну, всё поняли? Тогда до завтра. Расходимся по одному.

3

Утром, чуть свет на поляну Шурале вернулся. Пальцы на лапах перебинтованы, и хвост посерединке тряпицей заматан. Нагрёб кучу прошлогодних листьев и лёг под дубом. Не шевелится. Нипочём от старой коряжины не отличить. Но недолго лежал. Крылья над головой схлопались, и на ветку уселся Ворон.

– Крр!

– Исянмесез, дорогой. Какие новости?

– Гостя жди. Вали лошадь запрягает. По дрова собрался.

– Гость, гость... в горле кость.

– Крр! Скоро здесь будет.

Шурале тоже засобирался. «Пойду, спрячусь». Но потом вспомнил какое-то дело, обратно воротился. По дубу сухой веткой стучит:

– Слышь, старый? Проснись.

Ветви на дубе закачались, кивают вроде как. Листьями шелестят.

– Ты, это... топор у дурака заberi. И не отдавай. Дурак, он и есть дурак!

Ушёл Шурале. Недалеко, в овражке залёг. А Ворон в кроне спрятался, наблюдает. Много не прошло – едет дурачина! Тележные колёса скрипят, на кочках подпрыгивают. Лошадь копытами стучит. Сам Вали в телеге на охапке сена устроился.

Выехал на поляну, слез с телеги. И озирается.

– А этот... чудо-юдо, куда подевался? Сбежал, что ли?

Глядит: по поляне клочья шерсти разбросаны. Рыжие... и со шкурой местами. Нет, думает, сам образина не смог бы выбраться. Не иначе, помог кто-то.

Тут Ворон с ветки снялся и в лес улетел. Крр!

– Ага, понятно! – Вали вслед кулаком погрозил. – Только попадись, чёртова курица, я тебе перья из хвоста живо повыдергаю!

Достал Вали из телеги топор. Пора, дескать, за работу приниматься. Ишь, вымахал дуболомина!

Обошёл дуб со всех сторон, примерился и: «Ии-е-ех!» Воткнул топор в дерево со всей силушки. Воткнуть-то воткнул, а вытащить топор не может. Вали и так и сяк, и ногами упирается, застрял топор намертво. Сроду такого не бывало!

– Эй, ты! – с досады Вали сапогом по стволу пнул. – Отдай топор!

Глядь: а на дубе, поверх коры глаза открылись. И... рот!..

– Не отдам.

А голос глухой, будто из-под земли идёт. С перепугу Вали так и шарахнулся в сторону.

– Ух ты! Кто это сказал? А?.. Почудилось, что ли?

Не поверил, короче. Снова за топор схватился: дёргает, тащит, а толку никакого.

– Отдай, говорю, по-хорошему!

– Не отдам. Уходи отсюда.

Тут до Вали, наконец, дошло.

– Хха! И впрямь... живой!

– Уже пятьсот лет. И ещё пятьсот проживу.

Но Вали уперся.

– Если топор не отдашь, я сейчас за спичками съезжу и спалю тебя к чёртовой бабушке.

Запрыгнул Вали в телегу и давай лошадь понужать. Сильно на дуб обиделся.

– Но! Пошла-а! Пошла...

Телега по корням стучит, прыгает. Вот-вот развалится.

Дуб тяжело вздохнул вслед. Глупый человек... совсем глупый.

...Полдня не прошло, Вали снова на поляну выезжает. Правда, с другой стороны и не в телеге, а верхом на лошади. Оба, и лошадь, и Вали, по самые уши грязью заляпаны. Спрыгнул Вали на землю, по сторонам озирается.

– Никак на старое место приехал? И дуб... тот самый? О, мой топор! Ну и ну... ничего не понимаю. Вроде по дороге ехал. А угодил в болото. Ладно, телегу я потом вытащу.

Топор на всякий случай подёргал. Не тут-то было. Засел топор намертво. Взобрался Вали снова на лошадь, ворчит про себя:

– Теперь шагом поеду. Небось, не собьюсь. Ну, пошла, милая!

...Ещё полдня минуло. Дело к вечеру. Уже и солнце за деревья садится. Вдруг в лесу кричит кто-то: «Эге-гей!» Заблудился, видать, бедолага какой-то. Глядь, а это Вали снова на знакомую поляну выходит. Пешком, без лошади. От усталости едва на ногах держится.

Вышел на поляну и диву даётся.

– Ну, ё-моё! Опять этот проклятый дуб! Чтоб тебя... – С досады пнул по дубу грязным сапогом. А сам думает: – Шурале, что ли, по кругу водит? Точно, он! И лошадь перепугал, образина чёртова. Сбросила хозяина.

Сел под дубом. Руками вокруг себя шарит.

– Хоть желудей, что ли, поесть? И ночь уже на носу. Ладно, до утра посплю, а там разберёмся.

Вскоре по лесу разнёсся могучий храп. А там и ночь наступила. С неба луна светит. Звёзды в дубовой кроне мерцают. Вдруг... крылья схлопались

посреди тишины, и на ветку Ворон уселся.

– Крр!

Вроде как сигнал подаёт. На сигнал ещё три тени из кустов повылезли. Обступили дурака со всех сторон. Глаза в темноте зелёным светятся. И перешёптываются между собой.

– Верёвку принесла?

– Пеньковая... хи-хи-хи!

– И мешок.

– На счёт три. Раз... два... три!

Разом набросились на спящего Вали. И... началась свалка.

– Ой, держи за ноги!

– Лягается... Я его счас клюкой уо-щу!

– Завязывай! Мешок завязывай!

Мигом дурака верёвками опутали и в мешок затолкали. Он даже проснуться толком не успел. Распалась куча-мала. На земле мешок лежит, дёргается. Мычит чего-то, не разбери-поймёшь.

– Готов голубчик! – Убырлы говорит. – Что с ним будем делать?

– Защекотать! До смерти!

– Крр! Я предлагаю выклевать ему глаза. Чтобы камнями не кидался.

– Лучше утопить. И все концы в воду.

– Погоди, погоди! Зачем добру пропадать? – не согласилась ведьма. – Я предлагаю зажарить этого Вали до румяной корочки. И съесть! Но вначале, чтобы никому не обидно было, пусть Ворон глаза выклюет, Водяная пусть утопит, но не до смерти. А Шурале – защекочет!

Вали, как услышал такое, завопил что есть силы, задёргался.

– Помогите! Люди добрые, помогите! Убивают!

«Мешок» вдруг вскочил и запрыгал вокруг дуба. Но на пень налетел и так грохнулся, даже у нечистой силы рожи перекосило. Шурале на мешок верхом сел.

– Нет, так нельзя, – говорит. – Если мы его сейчас съедим, то никто никогда не узнает, за что съели дурачка Вали. А он в деревне не один такой. Лес рубят, где попало. Только щепки летят.

– Ага! Весь хлам со двора людишки деревенские в речку сбрасывают. Все берега у меня изгадили.

– Зверьё в лесу собаками травят. Ух!

Ткнула Убырлы клюкой в мешок, за своё переживает. Каждое лето пожары в лесу! Чуть избушку у неё не спалили.

– Меня тоже спалить хотел, – тяжело вздохнул дуб.

– Я больше не буду! Отпустите, люди добрые! – взмолился несчастный Вали.

Захотела, заухала нечистая сила. Сейчас отпустим, дескать. Ещё извинимся за беспокойство.

– Надо ему в штаны крапивы наложить, – посоветовал Ворон.

– Я сейчас! – обрадовалась Водяная. – У меня её полно по берегам растёт. Жгучая... ужас!

Сбегала Водяная на берег и принесла большущую охапку крапивы. Полный мешок набили, а голову у Вали снаружи оставили. Чтобы на пень не наскочил.

– Ай, ай! Жжётся, жжётся!

– Вот теперь порядок. Прыгай домой! И другим расскажи, за что тебя наказали.

Вали как был в мешке, так и запрыгал прочь. Упадёт, поднимется и опять прыгает. Но Шурале мало этого показало. Догнал да ещё пинка добавил. Дескать, долг платежом красен.

Убырлы вслед головой покачала.

– Как вы думаете, до деревни за три дня доскачет?

– Крр! С крапивой в штанах он мигом доскачет.

4

На старой мельнице про эти ночные дела ещё знать не знали. Своих забот хватает. У Зухры свежий кумыс готов. В кувшин налила и к деду на мельницу отнесла. Отведал старый мельник кумысу. Похвалил хозяйку. А сам что-то невесёлый сидит. Вздыхает.

– Что случилось, дед? Или болит чего?

– А ты погляди, милая. Не крутится наше колесо. Заклинило, что ли, где? Никак в толк не возьму.

– Может, речка обмелела? Вон, какая жара стоит.

– Нет. Плотина воду держит. Тут другое что-то... Уф! Устал. Пойду в тени посижу.

Сел мельник на скамейку под окнами, а Зухра в избу по хозяйству ушла. Вдруг крылья схлопались, и на липу Ворон прилетел.

– Крр! Исянемесез, абзый.

– Исянемесез, соседюшка.

– Как здоровье?

– Скриплю потихоньку. Да вот незадача: колесо на мельнице третий день как заклинило. А у меня ещё десять мешков ржи не смолоты. Люди приедут, что я им скажу?

– Крр! Это не колесо.

– А чего тогда?

– Водяная! На людей обиделась и всю деревню без воды оставила. Пересохла речка в деревне.

– Вот оно как! А я ночью слышу, будто кто-то по берегу ходит. И плачет. Да жалобно так. Я думал, померещилось.

– Она это. Крр!

– А чего плачет?

Ворон сильно удивился, что старый мельник ничего про гребень не знает. Долго молчал. Потом говорит:

– У неё твой зять Вали гребень украл.

– Да какой он мне зять? Тыфу на него! – Старик так и подпрыгнул на скамейке, когда до него дошло. – Э-э... погоди. Уж не тот ли это гребень, который он Зухре подарил?

– Крр! Золотой?

– Золотой... точно! Зухра, внученька?! Поди сюда.

Вышла Зухра за порожек. Ворону поклонилась.

– Здравствуй, гость дорогой.

– Исянемесез, милая. Исянемесез. Рад видеть тебя, – отвечает Ворон.

– Внученька, слышь, новость какая? Наш дурачок Вали украл у Водяной золотой гребень. Не тебе ли он подарил его?

На Зухре от его слов лица нет. Ахнула и – в избу убежала. Обрато с гребнем возвращается. Слёзы на глазах.

– Этот?
 – Крр! Он самый.
 – Стыд-то какой! – И лицо руками закрыла. Плачет. – Как я людям в глаза теперь посмотрю?

Потом на мостки сбежала и на воду, слышно, шепчет:

**Возьми свой гребень, матушка!
 Прости меня, неразумную!..**

Пошептала, поплакала и бросила золотой гребень в воду. Сама в избу убежала. В слезах. Старый мельник только руками развёл.

– Э-э! Один дурак заведётся, всему миру забота.

Ворон молча сидит. Согласен, конечно. Вдруг... мельничное колесо заскрипело, дрогнуло и начало вращаться.

– Вот и славно, – обрадовался мельник. – Простила, стало быть...

– Крр! Дождик, однако, собирается. Ну, полечу дальше.

Удивился мельник:

– Ты куда, на дождь глядя? Я бы самовар поставил.

– Нет, абзый. Сюда Вали идёт. Видеть его не хочу. Крр! – И улетел.

– Ну, этого гостя я встречу, как надо, – пробормотал старый мельник. И даже палку подобрал.

Долго ждать не пришлось, Вали уже тут, явился – не запылится. Да ещё букет цветов за спиной прячет. Уж не свататься ли пришёл?

– Исянмесез, бабай! – издалека кричит. Вот он я... пришёл, дескать.

Мельник на незваного гостя сурово глядит.

– Воровать пришёл? Или так, по мелочи собрался напакостить? У-у... Я тебя!

И палкой на него замахнулся. Вали только голову понурую склонил.

– Бей, бабай! Крепче бей. Я заслужил.

– Э! Тьфу на тебя! Мараться не хочу, – бросил старик палку и повернулся уходить. А Вали следом идёт.

– Я, бабай, повиниться пришёл. За свою дурость. Прости меня, ради аллаха! – А у самого слёзы в голосе.

Ишь, ты! Удивился старый. Никогда

прежде таких слов от дурака не слышивал. Остановился, думает. В глаза дураку заглянул.

– Я-то, может, и прошу, – говорит, – а вот Зухра... Не нужны ей твои извинялки. Любимой девушке лучше бы цветы подарил. От чистого сердца. А ты ей чужой гребень, да ещё краденый. Эх, Вали, Вали!

– Я цветы принёс. Вот.

– Небось, тоже краденые?.. Ладно, сам иди, разговаривай.

Махнул старик рукой и на мельницу ушёл. Потоптался Вали, повздыхал и с цветами к избе направился. Окно открыто, в окно заглянул.

– Зухра, прости меня, пожалуйста. Я очень виноват перед тобой.

Цветы на подоконник положил. Но зря, видно. Букет обратно в окно вылетел. И ставни перед носом с треском захлопнулись. У несчастного Вали вовсе руки опустились. Подобрал цветы и на мостках оставил. Сам рядом сел. Долго сидел, думал. И надумал с мельником поговорить. Бабай мудрый, может, и посоветует чего?

Пошёл на мельницу.

– Бабай, а, бабай?

– Чего ещё?

– Не хочет Зухра со мной разговаривать.

– Ну, так... с меня какой спрос?

– Я, бабай, ещё Шурале обидел. И Водяную. Убырлы-карчык тоже обижаются. И Ворон.

Мельник на эти слова только головой покачал. «Да, парень, наделал ты делов! Теперь расхлёбывай».

Вали, однако, не отстаёт:

– Ты, бабай, старый, умный. Научи, пожалуйста, как мне прощения у них попросить? Помириться хочу.

Долго старый мельник молчал. Парень не совсем дурак, вроде. Да и кто смолоду без глупостей прожил?

– Ладно, джаным. Давай так сделаем. Завтра к вечеру приходи на мельницу. С гостинцами. Попробую твоему горю помочь.

Обрадовался Вали.

– Вот спасибо, бабай! Большое спасибо!

Назавтра, к вечеру, старый мельник с внучкой стол накрыли под липами. И гостей дорогих создали. За столом Шурале, Водяная и Убырлы-карчык сидят. Хозяин кумыс по кружкам разливает, но по какой причине гостей пригласил, не говорит. Да гости и сами не спрашивают. Когда-то ещё выпадет случай вот так, всем вместе – посидеть рядком да поговорить ладком.

– Угощайтесь, гости дорогие. Сейчас Зухра беляшей с пылу с жару принесёт.

– Славный у тебя кумыс, хозяин! – Шурале говорит.

– Это всё внученька, умелица-рукодельница. Её работа.

Водяная с Убырлы переглянулись. Спрашивают:

– А где Ворон? Опаздывает, что ли?

– Небось, новости собирает?

Сказали так-то, а Ворон – лёгок на помине. Крылья схлопались, и за стол уселся.

– Крр! Тут я, тут.

– Вот и новости прилетели! – хохотнул Шурале. Но Ворону, похоже, совсем не до смеха.

– Новость первая. Сюда Вали идёт. С большим мешком.

Всё застолье разом загудело: «У-у-у!»

– Не, мы так не договаривались, – рассердился Шурале. Кружку с кумысом отодвинул и вон из-за стола полез. Убырлы-карчык тоже со своей клюкой. Не хочу, дескать, с дураком за одним столом сидеть.

Мельник их успокаивает:

– Погодите, погодите, гости дорогие! Не расходитесь. Дайте мне слово сказать. А потом уж сами решайте, как быть.

Ворон кивнул: «Говори, абзый. Крр!»

– Вали у вас прощения идёт просить. За свою дурость. Повиниться хочет.

Шурале даже поперхнулся.

– Кхе... не верится что-то.

– Да уж! С чего бы такому дураку поумнеть?

– А я так думаю, – мельник говорит, – худой мир всегда лучше доброй ссоры.

Стоят нечистые вокруг стола, с ноги на ногу переминаются. Снова Ворон встрял:

– Крр! Вторая новость. Вали заставил деревенских людишек речку чистить. Мусор убрали, русло прокопали. На берегу деревья высадили, чтобы не подмывало.

Водяная эту новость тоже подтвердила. Думали, думали... наконец, Убырлы рукой махнула:

– Ладно, послушаем, чего дурак скажет. Тогда решим.

Долго ждать не пришлось. По беляшу съели, а тут и Вали идёт с большим мешком за плечами. Мешок на землю опустил, гостям кланяется.

– Исянмесез, глубокоуважаемые. Низкий, низкий вам поклон. Я пришёл прощения просить. И поблагодарить за науку.

Стоит Вали, голову склонил. А гости кряхтят, в затылках чешут, переглядываются. «Мда... Кхе-кхе... Хм?..»

– Вся наша деревня тоже у вас прощения просит. Лес без спросу не рубить. Зверьё собаками не травить, пожары в лесу не устраивать и речку не загаживать... Обещание дали.

Кряхтели-кряхтели гости, совещались-совещались. Наконец, Шурале говорит:

– Ладно, мы тебя простим, пожалуй. Но... если отгадаешь три загадки, докажешь, что не дурак. Согласен?

Вали обрадовался:

– Загадки? Загадки я люблю.

Водяная первая взялась свою загадку загадывать.

– В огне не горит, в воде не тонет. Отгадай, что такое?

Вали даже думать не стал.

– Хха! Так это лёд, уважаемая!

– Твоя правда, – нехотя согласилась Водяная. Досадно ей стало.

Теперь Шурале очередь загадку загадывать. Да не как Водяная... для малых детишек загадулька её оказалась. Ну, слушай:

– Ни море, ни земля. Ни плавать, ни ходить нельзя! – А сам так хитренько,

исподлобья на отгадчика поглядывает. Мол, нипочём не отгадаешь. Так и уйдёшь отсюда дураком.

Но Вали и на этот раз думать не стал.

– Хха! Так у меня там телега увязла. Болото это!

Шурале тоже обидно сделалось. Но деваться некуда.

– Ишь ты, отгадал.

– Зато мою нипочём не отгадает! – Убырлы даже клюкой застучала. – Значит, так. В лесу родился, в лесу вырос, в дом пришел, всех вокруг себя собрал.

И на этот раз Вали недолго думал.

– В лесу родился, в лесу вырос... Хм? Дерево, наверное? Дуб. Потом в дом пришёл и... всех вокруг себя собрал. Хха! Так это стол! Всех вокруг себя собрал!

– А он не дурак вовсе! – загалдели все разом. – С виду только.

Ну, тут и Ворону пришло на ум свою загадку загадывать.

– Крр! Я тоже хочу...

– Это уже четвёртая, – возразил мельник. – Не в счёт.

– Согласен. Слушайте загадку. Не огонь – а жжётся. Крр!

Вали от души расхохотался.

– Ха-ха-ха! Так это крапива! На всю жизнь запомнил...

Тут и все гости захохотали, захихикали, заповизгивали, от смеху за животы держатся. Едва под стол не валятся. Вот как распотешил! А Шурале обнял Вали как лучшего друга и по спине хлопает:

– Ну, умора! Крапива, говорит... Ха-ха-ха! Давай, садись, друг Вали, с нами за стол. Гостем будешь.

– Спасибо, уважаемые. Я тут с собой кой-чего прихватил.

Выгрузил Вали из своего мешка жареного гуся, корзину с фруктами, бочонок с мёдом, чак-чак, арбузы, каравай хлеба, большую-пребольшую бутылку медовухи. И завалил гостинцами весь стол.

– От всей деревни вам, уважаемые, наш поклон и почтение.

Долго всё застолье гудело от удовольствия. Вот это пир... на весь честной мир!

– Вали, дружище, – Шурале лапой в грудь себя бьёт, – завтра мы твою телегу вместе пойдём вытаскивать. А за лошадь не бойся. Она у меня на лужке пасётся.

Вали тоже рад. И за пазуху себе руку сунул.

– А это... это я Зухре хотел подарить. – Достал свёрток и у друзей перед глазами развернул красивый атласный платок. – Только она, наверное, никогда меня не простит.

Мельник утешает:

– Не горюй, сынок. Попробую вас с Зухрой помирить... Вы, гости дорогие, угощайтесь! Пока молодые промеж собой разбираются.

И увёл старый мельник Вали в избу. А гости дорогие ели-ели, пили-пили, угощались-угощались и – на песни их потянуло. Но тут уж сам Шурале – первый запевала в лесу. Хотя слуха нет, а словечки все помнит. Никогда не забывал. Он и затянул песню, а другие, конечно, подхватили:

Мимо мельницы,
Мимо мельницы
Дороженька лежит.
Вся утоптана,
Вся утоптана
До камня серого.
Ещё кто эту,
Ещё кто эту
Дороженьку топтал?
Удалой Вали,
Удалой Вали
К Зухре захаживал.
Он не так ходил,
Он не так ходил,
Подарочки дарил.
Ах, мимо мельницы,
Мимо мельницы
Дороженька лежит...

Пока гости пели, над старой мельницей ночь опустилась. С неба луна светит. Звёзды мерцают. И вода на мельнице журчит ласково. На крыльцо Зухра и Вали вместе вышли. В обнимку. На Зухре красивый атласный платок.

Никого вокруг себя не видят...